

Михайлова А.А.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗА В ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭРМИТАЖА 1880-х–1920-х гг.

Михайлова, Арина Алексеевна—магистр музеологии, Санкт-Петербург, Россия, arina.museum.mikhailova@gmail.com.

Государственный Эрмитаж—универсальный музей, в котором культурное наследие Кавказа представлено довольно широко: открыты залы культуры и искусства Урарту, Армении и Грузии, Азербайджана и Дагестана (Кубачи), экспонируются памятники из Мошевой Балки и археологические находки из разных районов Северного и Южного Кавказа, а также кавказское оружие. В первой четверти XXI в. культурное наследие Кавказа было представлено на более чем 20 различных выставках музея. Однако практика экспонирования кавказских памятников в Эрмитаже имеет долгую историю, начавшуюся еще в конце XIX в. В данной статье рассмотрен ранний этап представления культурного наследия Кавказа на экспозициях и временных выставках Эрмитажа, приходящийся на 1880-е–1920-е гг. На основе литературы по истории музея и опубликованных источников (указателей отделений, буклетов к временным выставкам, путеводителей по Эрмитажу, карт и планов музея, а также фотографий экспозиций и выставок XIX–XX вв.) описаны особенности экспонирования кавказских памятников на постоянных экспозициях 1888 г., 1925 г. и временных выставках 1922 г., 1923 г. В статье отмечен переход от представления культурного наследия Кавказа на дореволюционных «художественных» экспозициях Эрмитажа к экспонированию памятников региона на экспозициях 1920-х гг., в которых научный подход—систематизация предметов по материалам и техникам, и далее по территориальному принципу—являлся главным критерием выделения крупных экспозиционных комплексов.

Ключевые слова: Эрмитаж, Кавказ, экспозиционно-выставочная деятельность.

THE CULTURAL HERITAGE OF THE CAUCASUS IN THE EXHIBITION ACTIVITY OF THE HERMITAGE MUSEUM IN 1880s–1920s.

Mikhailova Arina Alekseevna—Master of Museology, Saint-Petersburg, Russian Federation, arina.museum.mikhailova@gmail.com.

The State Hermitage Museum is a universal museum in which the cultural heritage of the Caucasus is represented quite widely: the halls of culture and art of Urartu, Armenia and Georgia, Azerbaijan and Dagestan are open, archaeological finds from different regions of the North and South Caucasus, as well as Caucasian weapons are exhibited. In the 21 century, the cultural heritage of the Caucasus was presented at more than 20 different exhibitions of the museum. However, the practice of exhibiting Caucasian monuments in the Hermitage has a long history, which began at the end of the 19 century. This article examines the early stage of the presentation of the cultural heritage of the Caucasus at the expositions and temporary exhibitions of the Hermitage museum, which occurred in the 1880s–1920s. On the basis of literature on the history of the museum and published sources (branch indexes, booklets for temporary exhibitions, guides to the Hermitage, maps and plans of the museum, as well as photographs

of expositions and exhibitions of the XIX–XX centuries), the features of exhibiting Caucasian monuments at permanent expositions (1888, 1925) and temporary exhibitions (1922, 1923) are described. The article notes the transition from the presentation of the cultural heritage of the Caucasus at the pre-revolutionary “artistic” expositions of the Hermitage to the expositions of the 1920s, in which the systematization of objects by materials and techniques, and further on the territorial principle was the main criterion for the allocation of large exposition complexes.

Key words: Hermitage, Caucasus, exhibition activity.

Кавказ—сложный как с культурной, так и с политической точки зрения регион, с непростой историей, здесь проживает около 50 народов, существуют значительные языковые и религиозные различия. Культурное наследие Кавказа—памятники разных эпох и народов—вызывает интерес, и кажется важным изучить специфику их представления не в национальном или этнографическом музее, а в музее универсальном, где культурное наследие Кавказа может восприниматься как часть мирового. Таким музеем является Государственный Эрмитаж. В 2021 г. в Эрмитаже открылась новая экспозиция культуры и искусства Азербайджана, в 2023 г. проходила выставка «Сокровища Аланского царства. К 1100-летию крещения Алании», а в 2024 г.—временная выставка «Уголок Эребуни в Эрмитаже». Экспозиционно-выставочная работа музея не прекращается, планируются и другие выставки, на которых будет представлено культурное наследие Кавказа. При принятии решений по их созданию, отбору памятников, выбору методов и подходов, музейные сотрудники зачастую апеллируют и к опыту предшественников. В связи с этим интересно обратиться к начальному этапу экспонирования кавказских памятников в Эрмитаже, к истории экспозиций конца XIX в.—первой трети XX в. В указанный период в собрание Эрмитажа входило значительное количество кавказских памятников: это и урартские древности, и кавказское оружие, и многочисленные находки из могильников Северного Кавказа и с территории Закавказья, а также отдельные грузинские, армянские, дагестанские, азербайджанские и аланские памятники.

Еще в конце XIX в. отдельные кавказские предметы могли выставляться в Эрмитаже на выставках Императорской Археологической комиссии как находки того или иного археологического сезона, однако первой эрмитажной постоянной экспозицией, на которой были представлены предметы материальной культуры Кавказа, можно считать открывшиеся в феврале 1888 г. 18¹ (20)² залов первого этажа Большого (Старого) Эрмитажа, где ранее располагались помещения Государственного Совета и Комитета министров—совершенно не предназначенные для музейной экспозиции. В 1885 г. в связи с поступлением в Императорский Эрмитаж коллекции прикладного искусства А.П. Базилевского, а также богатой коллекции оружия (среди которого—немалое количество восточного) из упраздненного Царскосельского Арсенала, в музее было организовано отделение Средних веков и эпохи Возрождения, для которого и была создана указанная экспозиция. Согласно «Указателю отделения»³, составленному в 1891 г. старшим хранителем отделения Н.П. Кондаковым⁴, восточная ее часть была представлена в 4, 18, 19 и 20⁵ залах, а отдельные восточные памятники—еще в 13 и 14 залах.

¹ Макаренко Н.Е. Художественные сокровища Императорского Эрмитажа: Краткий путеводитель. Пг., 1916. С. 2.

² Кондаков Н.П. Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891. С. 1–369.

³ Он же. Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1891.

⁴ Сотрудники императорского Эрмитажа, 1852–1917. СПб., 2004. С. 85.

⁵ В 20 зале—только древности Великого Сарая—столицы Золотой Орды.

Зал под номером 4 или «Восточная зала» — ныне Зал Совета — представлял собой экспозицию оружия Востока: Индии, Персии, Турции, Средней Азии и Кавказа (рис. 1). Кавказское оружие представлено было наравне с другим восточным и среди него. Размещено оно было вдоль стены, располагающейся напротив входной двери. Располагалось оно и в шкафу с предметами турецкого происхождения, и в шкафу с седлами, и в стенной витрине с оружием Персии и Кавказа, и в характерных для оружейных экспозиций XIX века трофеях⁶: в одном случае совместно с персидским оружием, в двух других — отдельно предметы вооружения кавказских горцев⁷. В небольшом 18 зале на постаментах было выставлено различное огнестрельное оружие, что являлось логическим продолжением 17 зала с кремневыми ружьями. Здесь среди персидских, турецких, индийских, арабских, китайских ружей экспонировались черкесская двустволка и дагестанское ружье имама Дагестана Гамзат-бека⁸.

Рис. 1 Экспозиция Арсенала Отделения Средних веков и эпохи Возрождения в здании Старого Эрмитажа. Восточный зал. Фотография ателье С.Л. и Р.С. Левицких. Конец 1890-х

Выставлялось на экспозиции не только кавказское оружие, но и другие памятники, происходящие с данной территории. Так, в зале 13 среди «христианских древностей» экспонировались три фрагмента грузинской торевтики, а в 14 зале — привезенные с Кавказа серебряные предметы, датированные тогда X–XIV вв., и найденный недалеко от Гори (Грузия) золотой браслет с гранатами⁹. Причем кавказские предметы в 14 зале выставлялись

⁶ Трофеи или военная арматура — смысловые и художественные композиции из оружия, доспехов, знамен, симметрично скомпонованные вокруг некого центра.

⁷ Кондаков Н.П. Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. С. 40–69.

⁸ Там же.

⁹ Пятницкий Ю.А. Произведения грузинского искусства в Эрмитаже: история формирования и изучения коллекции // *Tyragetia*. 2020. № 2. С. 332–333.

рядом с предметами с других территорий России, многие из которых никакой связи с русскими древностями (а зал был посвящен русским древностям до монгольского нашествия) не имели¹⁰. Говоря об особенностях дореволюционных археологических экспозиций Эрмитажа, И.Л. Тихонов отмечал, что экспонаты зачастую выставлялись не в археологических комплексах, а были разделены, более того, зачастую принцип хронологии или выделение экспозиционных комплексов по темам не соблюдались¹¹. Кавказские предметы в 14 зале иллюстрируют именно такой пример экспозиции в Эрмитаже.

Отдельно «древности Кавказа» были представлены на 53 таблицах в зале 19. Это были археологические находки из раскопок Императорской Археологической комиссии и приобретенной частной коллекции древностей Северного Кавказа К.И. Ольшевского: бронзовые фибулы, зеркальца, поясные пластинки, головные булавки, кольца, бронзовые браслеты и налокотники, серьги, топорики и т.д.¹² Как представляется из описания зала, за редкими исключениями (стеклянные бусы) экспозиция состояла из бронзовых предметов, а другие материалы не экспонировались. Большинство предметов относилось к кобанской культуре, но были представлены и находки из аланских могильников Камунта, Камбулта, Чми¹³.

Необходимо отметить, что данная экспозиция со временем видоизменялась. Путеводитель¹⁴, составленный в 1908 г., позволяет говорить о том, что кавказских предметов экспонироваться стало больше. Так в предваряющей Восточный зал Седельной комнате разместились не вошедшие в следующий зал восточные седла, кольчуги, ружья, среди последних были и 4 кавказских образца. Изменилась расстановка экспонатов в самом Восточном зале, что отражено и на фотографии начала XX в. (рис. 2). На месте постаментов с вазами в центре зала появились настольные витрины с образцами восточных сабель (среди которых — лезгинский палаш, кавказская шашка, грузинская сабля), и клинков различных сортов дамаска (в том числе грузинская сабля). Не упоминалось в предыдущем указателе о двух саблях кавказской работы в шкафу с подношениями эмиров Бухары, о саблях «персидского образца, но в частностях техники и отделки выдающих руку кавказского оружейника»¹⁵ на стене над указанным шкафом. Кавказское оружие выставлялось в витринах и отдельно, не среди другого восточного. Так, в одной из настенных витрин были представлены 4 образца клинков тифлисских мастеров первой четверти XIX в., кинжалы, жезл грузинской работы, пара железных стремян с грузинской надписью. В этой же витрине экспонировался кавказский доспех, над ней — кавказское холодное оружие, справа от нее — ряд кавказских шашек, на стойке под витриной — кавказские ружья XVIII–XIX вв. В другой витрине были выставлены кавказские пистолеты¹⁶.

Итак, культурное наследие Кавказа на экспозиции конца XIX в. — начала XX в. было представлено в нескольких залах. Кавказское оружие экспонировалось вместе с другим восточным как среди него, так и отдельными экспозиционными комплексами (только

¹⁰ Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 451–452.

¹¹ Там же. С. 451–458.

¹² Кондаков Н.П. Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. С. 333–356.

¹³ Пятницкий Ю.А. Произведения грузинского искусства в Эрмитаже. С. 332–333.

¹⁴ Ленц Э.Э. Краткий путеводитель по собранию оружия в Отделении средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1908.

¹⁵ Там же. С. 56.

¹⁶ Там же.

Рис. 2 Экспозиция отделения Средних веков и эпохи Возрождения в Императорском Эрмитаже. Зал восточного оружия в 1888–1915 гг. Фотография начала XX века

кавказское). Предметы были размещены в экспозиции декоративно: в больших сложных трофеях из доспехов, щитов и сабель с кинжалами, в застекленных шкафах и витринах («веерами» или другими композициями, составленными по художественному принципу), причем очень плотно. Несомненно, при создании экспозиции учитывались и научные принципы — оружие было размещено по регионам (Индия, Иран, Турция, Средняя Азия), но при этом зачастую было перемешано между собой — декоративность выходила на первый план. Это подчеркивается и отсутствием на экспозиции текстов, которые могли бы как-то объединить или разъяснить группировку в одних витринах тех или иных предметов, и присутствием в зале наряду с оружием украшений и керамики — предметов, которые не связаны с самим оружием ни по времени создания, ни по способам обработки или видам и формам декора. Представлены были наиболее ценные, аттрактивные предметы. Недаром А.А. Половцов, посещая данную экспозицию в 1888 г., отмечал: «Вещи расставлены ненаучно, но приятно для глаза»¹⁷. Отдельные археологические находки и комплексы с территории Кавказа были представлены на дореволюционной экспозиции как в отдельном зале, так и в виде «вкраплений» в другие залы, при этом научной систематизации материала не было, экспонаты в витрине могли быть никак не связаны между собой. Б.Б. Пиотровский также писал, что экспонаты выставлялись здесь «без необходимого разграничения»¹⁸. Подобное представление кавказских предметов в конце XIX — начале XX вв. в Эрмитаже можно объяснить спецификой экспозиций художественного музея того времени, когда главенствующей функцией экспоната была его

¹⁷ Пятницкий Ю.А. Император Александр III, А.А. Половцов и приобретение коллекции А.П. Базилевского для Императорского Эрмитажа // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...». Кн.2. СПб., 2014. С. 38.

¹⁸ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк: материалы и документы. М., 2000. С. 69.

аттрактивность, эстетическая ценность, а не информативность как памятника той или иной культуры, а важным критерием экспозиции — ее декоративность.

Помещения Старого Эрмитажа экспозиция отделения Средних веков и эпохи Возрождения занимала до 1915 г.¹⁹ — времени начала подготовки эвакуации музейных предметов в связи с Первой мировой войной 1914–1918 гг. Часть предметов была отправлена в Москву, часть — упакованная — хранилась в здании. В 1920 г. было разрешено возвращение в Петроград эвакуированных из Эрмитажа и Зимнего дворца музейных и художественных ценностей²⁰, однако восточное оружие, а также археологические находки с территории Кавказа на свои прежние места на экспозиции не вернулись, не была восстановлена и сама экспозиция.

Следующая постоянная экспозиция, на которой были представлены предметы материальной культуры Кавказа, была открыта только в 1925 г., однако еще до этого отдельные кавказские памятники экспонировались на временных выставках. Так, 20 ноября 1922 г. в фойе Эрмитажного театра²¹ открылась выставка сасанидских древностей, организатором которой стал И.А. Орбели²². Это была не просто первая временная выставка, но вообще первая экспозиция, созданная новым отделением Кавказа, Ирана и Средней Азии (такое название получило в 1921 г. образованное в 1920 г. Отделение мусульманского средневековья (Востока)). Выбор темы выставки был, скорее всего, обусловлен как особенностями эрмитажного собрания (одна из лучших в мире коллекций серебра сасанидского времени), так и значимостью данного типа памятников для исследований по культуре и искусству древнего Ирана, и научными интересами сотрудников нового Отделения. На выставке были представлены металлические изделия (чаши, тарелки, кувшины и др.), резные камни и монеты из Эрмитажа, Академии наук, Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК)²³. В Фойе Эрмитажного театра были представлены как памятники непосредственно сасанидского искусства (III–VII вв.), так и более поздние, отражающие его черты. Среди последних были и кавказские бронзовые котлы открытого и закрытого типа, найденные в основном в Дагестане, датированные тогда И.А. Орбели примерно XII–XIII вв.²⁴ На выставке они были представлены как развивающие сасанидские мотивы (изображения «сасанидских зверей, птиц, конных воинов»²⁵, сцены охоты и звериного гона), что ранее не отмечалось в литературе и было заявлено И.А. Орбели в буклете к выставке, а также в более поздней работе про албанские бронзовые котлы²⁶. Можно предположить, что кавказские котлы экспонировались отдельным комплексом среди других «послесасанидских» предметов, демонстрируя взаимовлияния разных видов искусства, устойчивость художественной традиции и ее распространение. Скорее всего, в таком случае, они были представлены не в начале экспозиции, а ближе к ее концу, однако точно утверждать это на данный момент невозможно. К выставке был

¹⁹ Миллер Ю.А. Арсенал // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988. М., 1990. С. 276.

²⁰ Кониев А.В. О эвакуации сокровищ Эрмитажа // История Петербурга. 2019. № 3. С. 84–91.

²¹ Иерусалимская А.А., Иванов А.А. Отдел Востока // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988. М., 1990. С. 216.

²² Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. С. 307.

²³ Востоковедение в Петрограде 1918–1922 г.: Памятка коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук. Пг. 1923. С. 66–67.

²⁴ Орбели И.А. Временная выставка сасанидских древностей. СПб., 1922. С. 14–15.

²⁵ Там же.

²⁶ Он же. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 301–326.

напечатан буклет, набранный в типографии самим И.А. Орбели²⁷, в котором значительная часть текста была посвящена кавказским бронзовым котлам, при этом ни их количество на временной выставке, ни расположение в зале описано не было²⁸.

Следующей эрмитажной временной выставкой стала выставка «Мусульманские изразцы», открывшаяся в 1923 г.²⁹ в большом зале первого этажа бывшего Музея Штиглица, переданного Эрмитажу летом того же года³⁰. Выставка стала частью открытия всей экспозиции бывшего Музея Штиглица (I филиала Эрмитажа), на которой было представлено прикладное искусство Ближнего и Дальнего Востока, а также европейский фарфор³¹. Сохранилась общая фотография данной экспозиции (рис. 3), которая позволяет представить набор выставленных экспонатов и их размещение в большом зале музея. На выставке были представлены иранские, османские, среднеазиатские изразцы. Можно предположить, что среди иранских могли быть выставлены и несколько изразцов из ханаки Пир-Хусейна, которые поступили в Эрмитаж в 1915 г., и которые были в собрании Музея Штиглица. К сожалению, точно атрибутировать их по имеющейся фотографии затруднительно, однако данные изразцы являются прекрасными образцами кашанской (?) керамики, распространенной в XIII–XIV вв. на территории нынешнего Азербайджана, и на подобной тематической выставке они позволили бы проиллюстрировать продукцию одного из известных центров иранской люстровой керамики.

Рис. 3 Выставка мусульманских изразцов. Фотография. 1923 г.

Так или иначе, на двух первых послереволюционных тематических выставках Эрмитажа, культурное наследие Кавказа было представлено как часть иранского или как

²⁷ Иерусалимская А.А., Иванов А.А. Отдел Востока. С. 216.

²⁸ Орбели И.А. Временная выставка сасанидских древностей.

²⁹ Он же. Мусульманские изразцы. СПб., 1923.

³⁰ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. С. 308.

³¹ Там же.

продолжающее традиции иранского искусства. Этот подход, как и принцип группировки экспонатов по материалам (металл, керамика), положенный в основу вышеописанных выставок (первая — в основном металл, вторая — керамика), были развиты уже на постоянной экспозиции памятников культуры и искусства Кавказа, Ирана и Средней Азии, о которой будет сказано дальше.

Первой же послереволюционной постоянной экспозицией с кавказскими памятниками стала экспозиция 1925 г., посвященная оружейному искусству Востока и соседних стран³². Экспозиция 1925 г. (рис. 4) напоминала экспозиции арсеналов, устроенные по декоративному принципу: традиционно одетые на манекены доспехи, кольчуги и латы чередовались с симметричными сложными композициями из оружия и защитного вооружения, предметы внутри витрин были организованы тоже симметрично и в виде художественных композиций. Изучив фотографию экспозиции можно предположить, что при создании экспозиции учитывалась систематизация предметов (по типам и видам вооружения, возможно, и по регионам), однако декоративность построения экспозиции выражена достаточно ярко. Важно добавить, что этикетаж или текстов на экспозиции не замечено. Среди представленных на экспозиции предметов определенно были и кавказские, возможно, выставывавшиеся еще до революции в залах Старого Эрмитажа. Однако на данный момент атрибутировать экспонаты по фотографии экспозиции не представляется возможным. Но так или иначе, сабли, кинжалы, ружья и пистолеты — высокохудожественные предметы, созданные оружейниками Кавказа, позволяющие полно и разнообразно продемонстрировать восточную оружейную традицию, не могли не быть представлены на описываемой экспозиции. Таким образом, на экспозиции 1925 г. кавказское оружие было вновь представлено среди другого восточного, и вновь одним из основных принципов размещения его на выставке был художественный, декоративный. Экспозиция просуществовала как минимум до 1930 г., так как зал № 80 на планах 1929 г.³³ и 1930 г.³⁴ отмечен как экспозиция отделения оружия.

20 ноября 1925 г. в Эрмитаже открылась постоянная экспозиция, на которой были представлены предметы материальной культуры Кавказа без оружейного искусства — «постоянная выставка памятников культуры и искусства Кавказа, Ирана и Средней Азии»³⁵. Ее открытие было приурочено к пятой годовщине реэвакуации музейных предметов, о чем сообщил на заседании Совета Эрмитажа 16 ноября 1925 г. директор музея С.Н. Тройницкий³⁶. Кураторами экспозиции выступили Э.К. Кверфельд, И.А. Орбели и другие сотрудники небольшого коллектива Отделения Кавказа, Ирана и Средней Азии.

Создание в Эрмитаже отдельной восточной экспозиции в середине 1920-х гг. не случайно, оно связано как с развитием востоковедения в России³⁷, так и с происходившими политическими событиями³⁸. Активно участвовали в жизни Эрмитажа члены Коллегии по делам музеев Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург и В.В. Бартольд — крупные востоковеды, представители т.н. «школы Розена»³⁹, постулировавшие необходимость изучения

³² Миллер Ю.А. Арсенал. С. 278.

³³ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов. 3-е изд. Л., 1929.

³⁴ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов и маршрутом осмотра. 4-е изд. Л., 1930.

³⁵ Иерусалимская А.А., Иванов А.А. Отдел Востока. С. 218.

³⁶ Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть II. 1920–1926 годы. СПб., 2009. С. 786.

³⁷ Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа в связи с запиской И.А. Орбели. Январь — март 1927 г. // Исторический архив. 2021. № 5. С. 99–120.

³⁸ Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. С. 73–74.

³⁹ Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа... С. 101.

Рис. 4 Экспозиция Арсенала в Гербовом зале. Фотография. 1925 г.

истории и культуры Востока и Запада в тесной связи, признававшие значительную роль восточных народов в создании и развитии мировой культуры. Именно по инициативе этих ученых в 1920 г. в Эрмитаже было создано Отделение мусульманского Востока (мусульманского средневековья), а его хранителем назначен И.А. Орбели, который в 1922 г. инициировал его переименование в Отделение Кавказа, Ирана и Средней Азии, а в 1926 г. — преобразование в Отдел Востока⁴⁰. Создание экспозиции, демонстрирующей культуру и искусство Востока, в одном музее, рядом с экспозициями западноевропейского искусства, античной культуры и др., визуализировало бы вышеназванные представления востоковедов⁴¹. Если говорить о политической стороне вопроса, отмеченной Ю.А. Пятницким⁴² и Б.Б. Пиотровским⁴³, то восточная экспозиция с акцентом на Среднюю Азию и Кавказ могла служить значительным оружием пропаганды. Здесь можно упомянуть как Декларацию прав народов России 1917 г. (равенство народов, отмена национальных привилегий и ограничений), так и установление советской власти в Средней Азии в 1920 г., а также сложности с Закавказьем, существовавшие на момент создания Отделения мусульманского Востока (часть Закавказья, Армения и Грузия не находились под контролем советской власти, там были созданы национальные образования).

В документах 1925 г. экспозиция фигурирует под названием «галереи Мусульманского Востока», однако с самого начала И.А. Орбели отмечал его условность⁴⁴. Большинство представленных экспонатов создавались в среде, исповедовавшей ислам, но при этом многие из них — некультовые памятники, которые трудно или почти невозможно

⁴⁰ *Иерусалимская А.А., Иванов А.А.* Отдел Востока. С. 221.

⁴¹ *Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа... С. 101–102.

⁴² *Пятницкий Ю.А.* Произведения грузинского искусства в Эрмитаже. С. 338.

⁴³ *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк. С. 73–74.

⁴⁴ *Мусульманский восток.* Л., 1925. С. 3–4.

определить по вероисповедному признаку (например, типично мусульманский подсвечник с христианской армянской надписью). Однако именно это название сразу определяет хронологические и географические границы, а также преимущественный круг народов, создавших эти предметы. Ткани, кожа, керамика, бронза, серебро, стекло, горный хрусталь, лаки, резное дерево — экспозиция была очень значительна по своему содержанию. Она не только демонстрировала отдельные «жемчужины» коллекции, но позволяла представить картину истории развития техник, распространенных на «мусульманском востоке» на протяжении нескольких столетий.

Экспозиция разместилась в Петровской и Романовской галереях Малого Эрмитажа, а также в Аполлоновом зале — залах 52–58 (ныне — залы 255–257, 259–262). О распределении экспонатов по залам позволяют судить планы Эрмитажа 1927 г.⁴⁵, 1928 г.⁴⁶, а также фотографии (рис. 5). В Петровской галерее (залы 52–54) экспонировались керамика и изразцы XII–XVIII вв., кавказская керамика была выставлена в длинном 52 зале наряду с персидской, арабской и туркестанской. В Романовской галерее (залы 55–57) кавказские предметы были представлены только в залах 55 и 57. В 57 зале — кавказские ткани в окружении персидских, бухарских, турецких вышивок, шалей и ковров XVI–XVIII вв. В 55 зале — кавказская бронза среди персидской и арабской XII–XVIII вв., а также кавказские ковры рядом с персидскими, курдскими, туркменскими и турецкими XVI–XVIII вв. Логическим продолжением экспозиции в 55 зале (восточная бронза) стали выставленные в Аполлоновом зале кавказские бронзовые котлы с сасанидскими мотивами XII–XIV вв.

Принципом деления экспозиции на комплексы стал не региональный (Иран, Турция, Средняя Азия), а технологический, основанный на материале предметов и технологии его обработки. И предметы материальной культуры Кавказа были здесь разделены по материалам и представлены в соответствующих разделах экспозиции среди подобных предметов, созданных турецкими, персидскими, арабскими мастерами. Они экспонировались как часть «мусульманского мира», что, вероятно, позволяло сравнить техники обработки материалов в перечисленных культурах, увидеть сходства и различия в декоре, взаимовлияния, представить общую среду, в которой создавались эти предметы.

Все это позволяет заключить, что экспозиция 1925 г. разительно отличалась от предыдущих экспозиций Эрмитажа, на которых тоже были представлены кавказские предметы (дореволюционной экспозиции и экспозиции оружия 1925 г.). Здесь основой для создания экспозиции послужил научный подход — систематизация предметов по материалам и техникам являлась главным критерием выделения крупных экспозиционных комплексов, внутри которых группировка экспонатов осуществлялась уже по территориальному принципу (керамика Ирана, керамика Средней Азии и т.д.). Именно данный подход, а не принцип декоративности определил расположение экспонатов в залах и в витринах. Особенностью экспозиции 1925 г., отличающей ее от дореволюционной экспозиции, является и включение в нее не только ярких, аттрактивных предметов, но и менее эстетически привлекательных (отдельные образцы керамики и бронзы), однако позволяющих широко показать культуру Востока. На примере дореволюционной и новой экспозиций мы можем наблюдать переход от экспозиции художественной (построенной по декоративному принципу, с наиболее яркими экспонатами) к экспозиции, рассказывающей историю культуры, в которой научная составляющая доминирует.

⁴⁵ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов. Л., 1927.

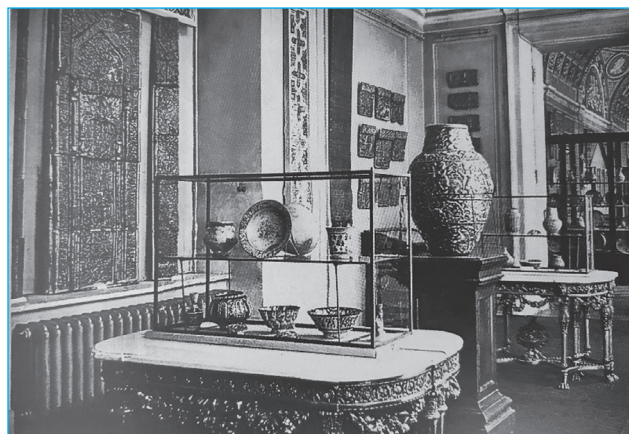
⁴⁶ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов. 2-е изд. Л., 1928.

5а

5б

5в

Рис. 5 Выставка мусульманского Востока в Малом Эрмитаже. Фотографии. 1925 г.

Экспозиция 1925 г. просуществовала в Эрмитаже до 1929 г.⁴⁷, в 1930 г. экспозиции отдела Востока были закрыты в виду переустройства⁴⁸ — началась социалистическая реконструкция музея, «перестройка его научной и экспозиционной работы на принципах диалектического материализма»⁴⁹.

Список литературы

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Границы дисциплинарности и дискуссия о структуре Эрмитажа в связи с запиской И.А. Орбели. Январь-март 1927 г. // Исторический архив. 2021. № 5. С. 99–120.

Иерусалимская А.А., Иванов А.А. Отдел Востока // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988 / Под общей редакцией Сулова В.А. М.: Искусство, 1990. С. 215–234.

Конивец А.В. О реэвакуации сокровищ Эрмитажа. История Петербурга. 2019. № 3. С. 84–91.

Легран Б.В. Социалистическая реконструкция Эрмитажа. Л.: тип. Гос. гидрол. ин-та, 1934. 56 с.

Миллер Ю.А. Арсенал. // Эрмитаж. История и современность. 1764–1988 / Под общей редакцией В.А. Сулова. М.: Искусство, 1990. С. 275–284.

Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк: материалы и документы. М.: Искусство, 2000. 573 с.

Пятницкий Ю.А. Император Александр III, А.А. Половцев и приобретение коллекции А.П. Базилевского для Императорского Эрмитажа // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...». Кн.2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 34–42.

Пятницкий Ю.А. Произведения грузинского искусства в Эрмитаже: история формирования и изучения коллекции // Tyragetia. 2020. № 2. С. 329–354.

Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 427–479.

References

Ananyev V.G., Bukharin M.D. Granicy disciplinarnosti i diskussiya o strukture Ermitazha v svyazi s zapiskoj I.A. Orbeli. YAnvar'-mart 1927 g. [The boundaries of disciplinarity and the discussion about the structure of the Hermitage in connection with the note by I.A. Orbeli. January-March 1927], in *Istoricheskij arhiv*. 2021. № 5. P. 99–120. (in Rus.).

Ierusalimskaya A.A., Ivanov A.A. Otdel Vostoka [Department of the East], in *Ermitazh. Istoriya i sovremennost'. 1764–1988* / Under the general editorship of Suslov V.A. Moscow: Iskusstvo, 1990. P. 215–234. (in Rus.).

Konivets A.V. O reevakuacii sokrovishch Ermitazha [On the re-evacuation of the Hermitage treasures], in *Istoriya Peterburga*. 2019. № 3. P. 84–91. (in Rus.).

Legrans B.V. Socialisticheskaya rekonstrukciya Ermitazha [Socialist reconstruction of the Hermitage]. Leningrad, The State Hydrological Institute Publishing, 1934. 56 p. (in Rus.).

Miller Yu.A. Arsenal [Arsenal], in *Ermitazh. Istoriya i sovremennost'. 1764–1988* / Under the general editorship of Suslov V.A. Moscow: Iskusstvo, 1990. P. 275–284. (in Rus.).

Piotrovsky B.B. *Istoriya Ermitazha. Kratkij ocherk: materialy i dokumenty* [The history of the Hermitage. Short essay: materials and documents]. Moscow: Iskusstvo, 2000. 573 p. (in Rus.).

⁴⁷ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов. 3-е изд.

⁴⁸ План Государственного Эрмитажа: с указателем залов и маршрутом осмотра. 4-е изд.

⁴⁹ Легран Б.В. Социалистическая реконструкция Эрмитажа. Л., 1934. С. 8.

Pyatnitsky Yu.A. Imperator Aleksandr III, A.A. Polovcev i priobretenie kolekcii A.P. Bazilevskogo dlya Imperatorskogo Ermitazha [Emperor Alexander III, A.A. Polovtsev and the acquisition of A.P. Bazilevsky's collection for the Imperial Hermitage], in *250 istorij pro Ermitazh: «Sobran'e pestyh glav...»*. [without name of publisher], Book 2. St. Petersburg, The State Hermitage Museum Publishing, 2014. P. 34–42. (in Rus.).

Pyatnitsky Yu.A. Proizvedeniya gruzinskogo iskusstva v Ermitazhe: istoriya formirovaniya i izucheniya kolekcii [Works of Georgian art in the Hermitage: the history of the formation and study of the collection], in *Tyragetia*, 2020. № 2. P. 329–354. (in Rus.).

Tikhonov I.L. Arheologiya v Imperatorskom Ermitazhe [Archeology in the Imperial Hermitage], in *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik*. 2014. № 4. P. 427–479. (In Rus.).